

«ЛИРИКА СОВРЕМЕННОЙ ДУШИ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 1900–1920-Х ГОДОВ И ЕЕ ОТЗВУКИ И ОБНОВЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

© 2025 г. Л.Ф. Алексеева

Аннотация: Предлагается по-новому выстроенное аналитическое рассмотрение «вереницы» лирических образов в интерпретации Валерия Брюсова, Константина Бальмонта, Александра Блока, Андрея Белого, Иннокентия Анненского, Михаила Кузмина. В поле зрения автора статьи — трансформация и обновление лирических форм и способов выражения внутреннего мира современников поэтами 1900–1920-х гг. (виды ролевых образов, «озвучивание» религиозных и нравственных шатаний современного человека, лирическая исповедальность и театрализация, многоголосие и диалогизм, ироническое мироощущение и всеединство бытия, сочетание естественно-природного и духовного восприятия и понимания жизни). С этой целью привлекаются теоретические сочинения поэтов, обобщающие характер новой лирики, а также некоторые художественные тексты. Предполагаются и частично определяются своеобразные реагирования Сергея Есенина на открытия поэтов XX в., а также ответное влияние его творчества на современный и последующий литературный процесс.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, И.Ф. Анненский, А.А. Блок, А. Белый, М.А. Кузмин, С.А. Есенин, лирика современной души.

Информация об авторе: Любовь Федоровна Алексеева — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения, ул. Радио, д. 10А, 105105 г. Москва, Россия.

E-mail: modernen@mail.ru

Для цитирования: Алексеева Л.Ф. «Лирика современной души» в литературном процессе 1900–1920-х годов и ее отзвуки и обновления в поэзии Сергея Есенина // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 371–380. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-371-380>

“THE LYRICS OF THE MODERN SOUL” IN THE LITERARY PROCESS OF THE 1900s–1920s AND ITS ECHOES AND UPDATES IN THE POETRY OF SERGEY ESENIN

© 2025. Lyubov F. Alekseeva

Abstract: This article offers a new analytical approach to the “procession” of lyrical images in the works of Valery Bryusov, Konstantin Balmont, Alexander Blok, Andrei Bely, Innokenty Annensky, and Mikhail Kuzmin. The author reviews the transformation and renewal of lyrical

forms and ways of expressing the inner world of contemporaries by poets of the 1900s and 1920s (types of role images, “voicing” religious and moral vacillations of modern man, lyrical confession and theatricalization, polyphony and dialogism, ironic worldview and the unity of being, a combination of natural and spiritual perception and understanding of life). For this purpose, theoretical works by poets are involved, summarizing the nature of the new lyrics, as well as some artistic texts. Sergey Esenin's peculiar reactions to the discoveries of the twentieth-century poets, as well as the reciprocal influence of his work on the modern and subsequent literary process, are assumed and partially defined.

Keywords: Bryusov, Balmont, Annensky, Blok, Bely, Kuzmin, Esenin, lyrics of the modern soul.

Information about the author: Lyubov F. Alekseeva, DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, State University of Enlightenment, Radio St., 10A, 105105 Moscow, Russia.

E-mail: modernen@mail.ru

For citation: Alekseeva, L.F. “‘The Lyrics of the Modern Soul’ in the Literary Process of the 1900s–1920s and Its Echoes and Updates in the Poetry of Sergey Esenin.” *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture*: Acad. and ex. ed. Natalia I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 371–380 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-371-380>

Вопрос о качестве есенинского лиризма был основательно сформулирован Н.И. Шубниковой-Гусевой в ее фундаментальных трудах. Протицируем обобщающее определение: «Новаторство Есенина состоит в том, что великий национальный поэт XX века создал принципиально новую художественную систему, основанную на развитии традиций русской классической литературы, народного творчества и художественных исканий современной новейшей литературы»¹. Среди особенностей «нового типа лирической и эпической поэзии» исследовательница выделила «*полемический диалог*» и «*многоголосие*». Отдельные стороны диалогизма и полифонизма, как особенностей поэтики и стиля, по мнению есениноведа, были отмечены в работах Л.Г. Юдкевича, Л.Л. Бельской, А.М. Марченко, В.И. Харчевникова, В.Г. Базанова и А.Н. Захарова².

Остановимся на влиянии — явном или имплицитном — тех поэтов XX в., кто так или иначе теоретизировал по поводу «исканий современной новейшей литературы».

Среди тех, кто был в круге внимания Есенина, безусловно, присутствовал К.Д. Бальмонт. Одним из аргументов присутствия автора «Будем как солнце» в поле размышлений Есенина — теоретика творчества и лирика — является наличие книг Бальмонта в личной библиотеке младшего поэта, о чем свидетель-

¹ Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: Наследие, 2001. С. 18.

² Там же. С. 19–20.

ствовал С.И. Субботин: *Бальмонт К. Собрание лирики*. Кн. 5: Будем как солнце: Книга символов (М., 1918), а также: *Бальмонт К. Белые зарницы: Мысли и впечатления* (СПб., 1908); *Бальмонт К. Морское свечение* (СПб., <1910>); *Шота Руставели «Носящий барсову шкуру. Грузинская поэма XII в.»* в переводе Бальмонта (М., 1917)³.

Особенности лирики XX в., новые качества лирического образа были четко сформулированы, — вероятно, впервые — с теоретической точностью и дерзкой искренностью, в которой Есенин мог усмотреть некий образец, Константином Бальмонтом в цитированной им записи из дневника (1899) в качестве предисловия к сборнику стихотворений «Горящие здания»: «Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая в своей душе искусственной любви к тому, что является теперь современностью и что в иных формах повторялось неоднократно, я никогда не закрывал своего слуха для голосов, звучащих из прошлого и неизбежного грядущего. <...> В этой книге я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немوتствуют, не имея голоса, а иногда имея его, но, не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я»⁴. Помимо этого, Бальмонт замечает моноликость отдельного человека, необходимость познания этой сложности с целью приобретения цельности: «У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сделал это в предлагаемой книге, и, быть может, тем, кто чувствует созвучно со мной, она поможет прийти к тому внутреннему освобождению, которого я достиг для себя»⁵. Такого рода беспощадность к себе, многоликость лирического образа мы наблюдаем на всем протяжении поэтического пути Есенина. Множественные проявления самоиронии, взгляд на лирического персонажа со стороны, как на постороннего себе человека («себе, любимому, чужой я человек»). Одновременно с этим Бальмонт утверждал любовную растворенность поэта-лирика во всем, что составляет бытие. В установках Бальмонта видели своеобразную программу символизма, не случайно и Есенина некоторые критики (в частности В.Л. Львов-Рогачевский) небезосновательно связывали с символизмом⁶.

³ Субботин С.И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы: Материалы Международной науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2006. С. 331–354.

⁴ Бальмонт К.Д. Собр. соч.: в 7 т. М.: Книжный Клуб Книголек, 2010. Т. 1. С. 203.

⁵ Там же. С. 203–204.

⁶ Львов-Рогачевский В.Л. Новейшая русская литература. М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1922. 325 с.; 3-е изд. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. 388 с.

Бальмонт провел в «Записной книжке» (1904) своеобразный самоанализ собственного поэтического мира, рассмотрев в нем взаимозависимость всего со всем, музыкальное единство духовного, сверхчувственного и естественно-природного бытия:

Звон мгновенья — когда его любишь, как я, — из области надземных звуков. Я отдаюсь мировому, и Мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои. <...> О, клянусь, в те мгновенья, когда я — действительно я, мне близки все, мне понятно и дорого все. Мне понятны вершины, я на них всходил, мне понятно низкое, я низко падал, мне понятно и то, что вне пределов высокого и низкого. Я знаю полную свободу. <...>. И сгорят города, и сгорят леса, а там, где они шумели и молчали, возникнут новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вечная жизнь.

<...> Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки. Я отдаюсь мировому. Мне страшно. Мне сладко. Мир вошел в меня. Прощай, мое вчера. Скорей к неизвестному Завтра!⁷.

Мятежные настроения эпохи, вскоре не только почувствованные, но и слышанные Есениным, выражены у Бальмонта в стихотворении «Кинжальные слова». Жажда мятежной деятельности, подстегивание собственного спокойного существования к разрушению выразилась уже в стремлении «порвать лазурь», в ожидании разбудить тьму в себе: «Пусть же в сердце дрогнет тьма»⁸. Приведем несколько стихов из упомянутого стихотворения:

Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний.
Я хочу горящих зданий,
Я хочу кричащих бурь!
<...>
Я хочу иных бряцаний
Для моих иных пиров.
Я хочу кинжальных слов,
И предсмертных восклицаний!⁹.

Не могла не повлиять на Есенина выпущенная в издательстве «Скорпион» в 1915 г. (на обложке — 1916) книга Бальмонта «Поэзия как волшебство»¹⁰.

⁷ Бальмонт К.Д. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. С. 208.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же.

¹⁰ Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство. М.: Кн-во «Скорпион», 1916 [1915 — на титуле]. 93 с.

Всеобщая гармония мировосприятия и мироотражения творческой личности в центре внимания Бальмонта как теоретика лирики выражена на страницах этой книги. «Мир есть вселенская музыка. <...> Небоверху и Море внизу, солнце днем и Луна ночью, звезды на небе и цветы на лугу, громовые тучи и громады гор, неоглядность равнины и беспредельность мысли, грозы в воздухе и бури в душе, оглушительный гром и чуть слышный ручей, жуткий колодец и глубокий взгляд, — весь мир есть соответствие, строй, лад, основанный на двойственности, но растекающейся на бесконечность голосов и красок, то сливающейся в один гимн души, в единичность отдельного гармонического созерцания, во всеобъемлющую симфонию одного Я, принявшего в себя безграничное разнообразие правого и левого, верха и низа, вышины и пропасти»¹¹.

Особенные черты новой поэзии, отличной от лирики XIX в., обозначены Иннокентием Анненским, обратившим внимание на призвание нового поэта передать состояние душевно-духовной жизни своей эпохи в статье «Бальмонт-лирик» (1904): «...я господина Бальмонта не личное и не собирательное, а прежде всего наше я, только созннное и выраженное Бальмонтом.

Мне решительно все равно, первый ли Бальмонт открыл перепевы и уклоны; для меня интересны в песне интуиция и откровение моей же души в творческом моменте, которым мы все обязаны прозорливости и нежной музыкальности лирического я Бальмонта»¹². В стихе Бальмонта Анненский заметил «бесповоротно-созннное стремление *символически стать самой природою*»¹³, и «при этом поэт не навязывает природе своего я, он не думает, что красоты природы должны группироваться вокруг этого я, а напротив, скрывает и как бы растворяет это я во всех впечатлениях бытия»¹⁴. Здесь у Анненского как будто проекция на мировосприятие Есенина, которого он еще не мог знать, но многие признаки новой лирики уже были оригинально реализованы предшественниками, в том числе и самим Анненским.

Анненский отметил «возврат религиозных запросов в опустелую человеческую душу...». Помимо знакомых Анненскому Вл. Соловьева, Я.П. Полонского, он имел в виду символистов и, по существу, предсказывал появление «Радунницы» Есенина, религиозных стихов Михаила Кузмина, Николая Клюева... Среди качеств новой лирики Анненский выделил «музыкальную потенцию слова», что также органически «усвоил» Есенин, ориентируясь на православную духовную и русскую фольклорную традицию.

¹¹ Там же. С. 6.

¹² Анненский И.Ф. Бальмонт-лирик // Анненский И. Книга отражений / изд. подгот. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М.: Наука, 1979. С. 99.

¹³ Там же. С. 100. Выделено И.Ф. Анненским.

¹⁴ Там же.

По существу, Анненский формулировал процесс творческого восприятия текста, разработанный позднее теоретиками рецептивной эстетики. С точки зрения Анненского, новая символическая поэзия влияет и на восприятие классики: «Развивая нас эстетически, она делает для нас интереснее и поэзию наших корифеев; мы научаемся видеть в старой поэзии новые узоры и черпать из нее более глубокие откровения»¹⁵, в этом ее ретроспективное значение. Критик-поэт заметил в стихах Бальмонта «женскую стыдливость души». В творческом мире автора «Литургии красоты» — море возможностей уловить предшествование образов и мотивов в стихах Есенина, например, отмеченные Анненским «Закатные цветы», «Придорожные травы», «Безглагольность», «Черемухой душистой»¹⁶. Поэзия Бальмонта, уверен Анненский, «дала нам и нечто объективно и безусловно ценное». В ней не только «субъективный момент»¹⁷.

В.Я. Брюсов неоднократно делал акцент на особенности лирического Я в поэзии XX в. В предисловии к парижскому изданию «Антологии русской поэзии» (1914) он писал о том, что Бальмонт «достиг еще небывалой в русской лирике мелодичности» и дал ему весьма лестные характеристики, несмотря на сложные к тому времени личные отношения: «Поэт оттенков, он чарует читателей музыкой своего стиха и кажется волшебником Орфеем, заставляющим своей лирой двигаться камни. Поэт мимолетного, он сумел запечатлеть в своих строфах самые тонкие, едва уловимые переживания современной души»¹⁸.

Предложенные Ю.Н. Тыняновым литературоведческие термины «вереница лиц» и «лирический герой» появились в его статье «Блок» (1921). Там речь идет о скрывающемся за вереницей голосов облике поэтической личности художника: «Блок — самая большая лирическая тема Блока. <...> Об этом *лирическом герое* и говорят сейчас»¹⁹. Литературоведами советской поры нередко здесь утверждался первоначальный теоретический акцент, а также терминологический исток определения *лирический герой*. Но намного раньше этот разрыв с устоявшимся национальным традиционным укладом, произвол «хочу», отказ от успокоенности, стабильной «служилой» нравственности и стабильного быта — все это обозначало некий разлом, отказ от нравственных ограничений, подчинение мятежному, демоническому духу современного человека вообще.

Дерзкая жажда обновления вела к мотивам погружения в бездну, в том числе к жажде самоубийства. Здесь стоит вспомнить о том, как толковал самоубий-

¹⁵ Там же. С. 102.

¹⁶ Там же. С. 103–104.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ Брюсов В.Я. Предисловие к парижскому изданию «Антологии русской поэзии» (1914) // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 202.

¹⁹ Тынянов Ю.Н. Блок // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 118.

ство человеческого рода В.С. Соловьев: «Так как путем размножения мы можем произвести только такую же непрочную и злую жизнь, как и наша, и только размножаем обман и зло, то, отдаваясь родовому влечению, мы в конце концов совершаем только бесполезное *самоубийство*»²⁰.

Бальмонт эту попытку пережил не только как устремление его героя или причастность к общемировому состоянию человечества, но и как биографическую черту. В повести «Белая Невеста» (1921) он писал спустя много лет: «Когда весь изломанный и разбитый, я лежал, очнувшись, на холодной весенней земле, я увидел небо безгранично высоким и недоступным. Я понял в те минуты, что моя ошибка — двойная, что жизнь бесконечна и что, если бы смерть пришла ко мне, я все равно очутился бы на том самом месте, в такой же трудности, в необходимости распутать тот же узел или разорвать его, но распутать или разорвать совершенно иначе»²¹. После этой соблазнительной попытки поэт научился ценить жизнь, терпеть и любить в самые драматические времена эмигрантской нужды, создавать прелестные пейзажи, приметы родной России, веры в ее будущее. После горького эмигрантского сборника «Марево» (Париж, 1922) он издал в Праге книгу стихов «Мое — Ей» (1924), в Белграде — «В раздвинутой дали» (1929), в которых воспел истоки любви к родине, ее природе и изначальной красоте, к духовному совершенству.

Есенин задолго до окончания земного пути почти что пугал читателя: «на рукаве своем повешусь», но вот он утратил почти все земные ценности: любимую венчанную жену, был в разлуке со всеми женщинами и детьми, которых любил, утратил дом, который сгорел, многих друзей, собственную чистоту («Что случилось, что со мною сталось...»), но никогда прежде его лиро-эпический мир не был исполнен столь гармоничного жизнеутверждения, веры в торжество взаимной любви — того, что составляет суть живой России, — вопреки разлукам, вопреки невозможности земного соединения разорванных звеньев бытия. Основной вопрос революционной эпохи, объединяющий поэзию советской России и лирику и философию русского зарубежья, погибла ли «кормилица Русь». Для Есенина вполне очевиден экономический урон, который сопровождает революционные перемены в стране: «Шли годы, / Размашисто, пылко. / Удел хлебобороба гас»²². Не только обличение любимых крестьян в корыстолюбии, своего рода разочарование в мужиках, в поэме «Анна Снегина» (1925), но и контрастное противопоставление социального, земного — тому, что питает душу, сохраняет ее

²⁰ Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Соловьев В.С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 132.

²¹ Бальмонт К.Д. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. С. 481.

²² Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1998. Т. 3 / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой; коммент.: Е.А. Самоделова, Н.И. Шубникова-Гусева. С. 183.

цельность. И вот удивительный лейтмотив любимой самим автором поэмы, ее выразительных финальных строк, освещающих все предшествующее пространство: пока есть любовь, Россия не погибла, даже и во время социальных катастроф, разлук, разделений, экономического ущерба...

Недаром с А.А. Блоком они входили вместе в группу «Скифы». Обращенное коллективным «голосом Блока» понимание разницы между западноевропейскими народами и российскими «скифами» вылилось в яркую формулу менталитета: «Да, так любить, как любит наша кровь, / Никто из вас давно не любит! / Забыли вы, что в мире есть любовь, / Которая и жжет, и губит!»²³. Эту выраженную в слове сущность после смерти Блока вновь и вновь актуализирует есенинская поэзия. Что здесь? Литературное влияние или уверенная принадлежность к одному типу (духу) творческого мироосмысления? По-видимому, сказывается стремление к выражению своеобразия русского пути, воплощенного Пушкиным в столь же страстном обращении «Клеветникам России». Миролюбие наших соотечественников, — единодушно уверяли поэты, — нельзя отождествлять с якобы присущим народу непротивлением злу, расслабленностью и унылым равнодушием. Когда вновь и вновь «развязаны дикие страсти под игом ущербной луны»²⁴, рождается издавна утвердившаяся правда повторяющихся исторических призывов: «<...> За святое дело мертвым лечь!»²⁵, русские поэты припоминают о жертвенной готовности к «гибели всерьез» (Б.Л. Пастернак). Многие из них погибают. Есенин вслед за Николаем Гумилевым и Алексеем Ганиным — в числе наиболее правдивых художников слова, духовно образованных, талантливых и смелых.

Андрей Белый, с которым Есенин творчески особенно тесно взаимодействовал в послереволюционные годы, применял термин «*лирический субъект*»²⁶. Он в статье «Будущее искусство» (1910) обратил внимание на то, что «формы искусства стремятся к распаду <...>; понятие о техническом прогрессе все более и более подменяет собой понятие о живом смысле искусства», но этот процесс сопровождается противоположным стремлением к слиянию разнобразных форм: «это стремление к синтезу выражается отнюдь не в уничтожении граней, разъединяющих две смежные формы искусства; стремление к синтезу выражается в попытках расположить эти формы вокруг одной из форм, принятой за центр»²⁷. Для Есенина здесь был некий стержень понима-

²³ Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 3. / под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. С. 361.

²⁴ Там же. С. 252.

²⁵ Там же. С. 250.

²⁶ Белый А. Собр. соч. Стихотворения и поэмы. М.: Республика, 1994. С. 483.

²⁷ Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ.ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 142.

ния кричащих противоречий современности, ее болезненно возбужденного нерва.

По сути своей исследователи почти не касались связей художественного мира Есенина с поэзией Михаила Кузмина, высоко оцененной Блоком и Гумилевым, другими современниками. Понятно, что отторгает вавилонски греховная атмосфера некоторых стихотворений сборников «Сети» (1908), «Куранты любви» (1910), однако авторская установка на восприятие нездешнего, староверческие мотивы роднят кузминскую атмосферу с есенинской. Кроме того, уже в «Сетях» мы можем обнаружить удивительное проникновение в характеры, те ритмически выстроенные поэтом переживания многих лирических лиц, души которых «разгаданы» и по-своему обнажены.

Думается, что любознательного Есенина интересовали стихи и статьи Кузмина, в особенности «О прекрасной ясности» (1910), в которой Кузмин (не только для акмеистов) провозглашал необходимость ясной формы даже там, где нет ясного понимания происходящего. «Любимому же другу на ухо сказал бы: “Если вы совестливый художник, молитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился, или покуда сдерживайте его ясной формой: в рассказе пусть рассказывается, в драме пусть действуют, лирику сохраните для стихов, любите слово, <...> будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны, — и вы найдете секрет дивной вещи — “прекрасной ясности”, — которую назвал бы я “кларизм”»²⁸.

В «Вожатом» (1918) у Кузмина есть цикл «Русский рай» (1915–1916). Можно предположить, что Кузмин отреагировал на есенинские стихи «Если крикнет рать святая: / “Кинь ты Русь, живи в раю!”; / Я скажу “Не надо рая, / Дайте родину мою!»»²⁹.

Любовь Кузмина к родным ярославским местам, откровенное сочувствие трагически прекрасным русским святым, царевичу Дмитрию, приближение к его трагедии и святому вмешательству в земные русские дела — образ лирически прекрасный, безвременно живой и устрояющий современную жизнь, которая, кажется, погибает, о чем Кузмин написал в 1921 г.: «Лежим, как жалостный помет / На вытоптанном голом поле / И будем так лежать доколе / Господь души в нас не вдохнет»³⁰.

Гениально освоенный Есениным поток связей с пространством мировой духовной и эстетической культуры, традиций поэзии и прозы ведет ко все более широкому признанию значения его наследия, а также открытиям его явных

²⁸ Кузмин М.А. О прекрасной ясности // Аполлон. 1910. № 4. С. 10.

²⁹ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. С. 51.

³⁰ Кузмин М.А. Стихотворения. 2-е изд., испр. / вступ. ст, сост., подгот. и примеч. Н.А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 2000. С. 646.

II. Есенин в историко- литературном контексте

и таинственных взаимодействий с предшественниками, современниками и последователями.

Список литературы

1. *Анненский И.Ф. Бальмонт-лирик // Анненский И. Книга отражений / изд. подготовили Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М.: Наука, 1979. С. 93–122.*
2. *Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство. М.: Кн-во «Скорпион», 1916 [обл. — 1916, титул — 1915]. 93 с.*
3. *Белый А. Символизм как миропонимание / сост, вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.*
4. *Кузмин М.А. О прекрасной ясности // Аполлон. 1910. № 4. С. 5–10.*
5. *Львов-Рогачевский В.Л. Новейшая русская литература. М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1922. 325 с.; 3-е изд. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. 388 с.*
6. *Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Соловьев В.С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 122–275.*
7. *Субботин С.И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С.А. Есенина / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2006. С. 331–354.*
8. *Тынянов Ю.Н. Блок // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 118–122.*
9. *Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: Наследие, 2001. 688 с.*